

Гумерова Эндже Фоатовна

ПСИХОЛОГИЯ ЮНОГО ГЕРОЯ В АСПЕКТЕ ИЗМЕНЯЮЩЕГОСЯ МИРА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Г. ГИЛЬМАНОВА

Татарская детская проза 1990-2010 гг. дает свободу детским эмоциям, в то же время в этот период возрастает интерес к детской психологии. Данная область затронута исследователями частично. В статье мы попытались раскрыть специфику психологизма в татарской детской прозе на основе анализа произведений Г. Гильманова. Результаты исследования показали, что в детской прозе этого периода целью писателей становится не только воспитание гуманности, но и укрепление национального самосознания.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/9-1/5.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 9(63): в 3-х ч. Ч. 1. С. 21-24. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/9-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

к документальным материалам «Черной книги». Каждая из романских жертв еврейской трагедии воплощает в себе, с одной стороны, уникальную личность, а с другой – олицетворяет распространенную в эпоху Холокоста трагическую судьбу. Софья Осиповна Левинтон – жертва массовой казни евреев в газовой камере, Наум Розенберг – брэннер, сжигатель трупов, Наташа Карасик – «воскресшая из мертвых», которой удалось выжить во время массовой казни евреев в гетто, Давид – ребенок, погибший в лагере уничтожения.

Гроссман уверенно следует за документом, составляющим эпическую основу скорбного повествования о геноциде евреев, однако там, где документ отсутствует, художник не останавливается и обращается к домыслу. Это свидетельствует о том, что для Гроссмана искусство все-таки было выше жизни, важнее документа. Его работа над «Жизнью и судьбой» показывает, что роль факта в создании художественной реальности может быть определяющей, однако художественная реальность все же превышает документ по своему глубокому познанию жизни. Документ крайне важен, но не общезначим, он лишь инструмент, используемый автором в интересах искусства.

Список литературы

1. **Альтман И. А.** «Это крик человеческой души». К истории «Черной книги» // Черная книга / под ред. В. Гроссмана, И. Эренбурга. М.: АСТ; CORPUS, 2015. С. 707-717.
2. **Бирючин С. В.** Документальные источники «Черной книги» в романе В. С. Гроссмана «Жизнь и судьба» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 12 (42): в 3-х ч. Ч. 1. С. 32-35.
3. **Гроссман В. С.** «Брэннеры» из Белостока. Рассказ рабочих г. Белостока Шимона Амиэля и Залмана Эдельмана // Черная книга / под ред. В. Гроссмана, И. Эренбурга. М.: АСТ; CORPUS, 2015. С. 274-277.
4. **Гроссман В. С.** Минское гетто. Материалы – А. Мачиз, [М.] Гривчик, Л. Глейзер и П. Шапиро // Черная книга / под ред. В. Гроссмана, И. Эренбурга. М.: АСТ; CORPUS, 2015. С. 157-188.
5. **Гроссман В. С.** Собрание сочинений: в 4-х т. М.: Аграф; Вагриус, 1998. Т. 2. Жизнь и судьба. 656 с.
6. **Маркиш Ш. П.** Пример Василия Гроссмана // Гроссман В. С. На еврейские темы: в 2-х т. Иерусалим: Библиотека Алия, 1985. Т. 2. С. 341-489.
7. **Местергази Е. Г.** Художественная словесность и реальность (документальное начало в отечественной литературе XX века): дисс. ... д. филол. н. М., 2008. 246 с.
8. **Миркина З. А., Померанц Г. С.** Выход в пространство свободы // Континент. 1992. № 4 (74). С. 283-311.
9. **Федоров В. С.** Проблемы документалистики и развитие жанра документально-художественной прозы середины 70-х – начала 80-х годов: автореф. дисс. ... к. филол. н. СПб., 1991. 18 с.
10. **Фраерман Р. И., Ковнатор Р. А.** Тринадцать дней в убежище. Рассказ Лили Герц (Львов) // Черная книга / под ред. В. Гроссмана, И. Эренбурга. М.: АСТ; CORPUS, 2015. С. 132-136.

DOCUMENT AS A BASIS OF LITERARY NARRATION IN VASILY GROSSMAN'S NOVEL "LIFE AND FATE" (BY THE MATERIALS OF "THE BLACK BOOK")

Biryuchin Svyatoslav Vladimirovich
 Moscow State Pedagogical University
 biryuchin@yandex.ru

The article is devoted to the identification of connection between V. S. Grossman's novel "Life and Fate" and "The Black Book". The author proposes a genre definition of the latter – "collective evidence" – and proves that the documentary materials of the collection are the basis of literary narration about the Holocaust in the novel. In particular, the writer depicts the tragic images of the prisoners of the "special train of death" making its way to the extermination camp in "Life and Fate" relying on the real facts represented in "The Black Book".

Key words and phrases: document; "The Black Book"; "collective evidence"; Holocaust; "Life and Fate"; V. S. Grossman.

УДК 8;82;087.5

Татарская детская проза 1990-2010 гг. дает свободу детским эмоциям, в то же время в этот период возрастает интерес к детской психологии. Данная область затронута исследователями частично. В статье мы попытались раскрыть специфику психологизма в татарской детской прозе на основе анализа произведений Г. Гильманова. Результаты исследования показали, что в детской прозе этого периода целью писателей становится не только воспитание гуманности, но и укрепление национального самосознания.

Ключевые слова и фразы: психологизм; детская литература; специфика психологизма; Г. Гильманов; татарская проза.

Гумерова Эндже Фоатовна
 Казанский (Приволжский) федеральный университет
 El.hadieva@yandex.ru

ПСИХОЛОГИЯ ЮНОГО ГЕРОЯ В АСПЕКТЕ ИЗМЕНЯЮЩЕГОСЯ МИРА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Г. ГИЛЬМАНОВА

Духовный мир человека, его взгляды и реакция на различные ситуативные моменты, оценивание того или иного события обуславливаются несколькими факторами: среда роста, культурное наследие, психологические

особенности развития, возраст, пол и т.д. Немаловажную роль в этом играет и литература. Современные ученые признают значение детской литературы в становлении взрослого мировоззрения, так как именно в детском возрасте происходит формирование общих черт поведения человека в тех или иных ситуациях. Так, Л. И. Мингазова в своей монографии «Прошедшие сквозь века» делает акцент на психологизм в детской литературе, на его спектр влияния: «В литературе, посвященной детям, формированию личности в этом отношении требуется особое внимание, так как детская литература представляет собой подсистему литературы, характеризующуюся особыми формально-содержательными и функциональными признаками. Главной проблемой общественно-политического и культурного развития татарского общества XX века было воспитание нового человека, и на протяжении всего века проблема воспитания ребенка, соответствующего обществу, находилась в центре внимания» [4, с. 3].

Интересно, что в разное историческое время цели, поставленные перед писателями, в корне изменялись. Например, начало XX века характеризуется пристальным вниманием к формированию национального самосознания; середина XX века – это период воспевания классового воспитания; после 80-х годов в центре внимания вновь оказалась проблема формирования национальной идентичности. На сегодняшний день главные темы в татарской детской прозе – укрепление национального самосознания, сохранение духовных ценностей и воспитание гуманности.

Постсоветская татарская детская литература характеризуется большим жанровым разнообразием: вслед за русскими и зарубежными авторами татарские писатели попытались расширить свою сферу влияния за счет публикаций в Интернете, телевизионных театрализованных постановок, аудиокниг, аудиоспектаклей, также появились авторские сказки, литературно-математические головоломки и загадки.

В своем исследовании мы ставим задачу рассмотреть татарскую детскую литературу 1980-2010 гг. как новое культурное явление с точки зрения психологизма на примере произведений Г. Гильманова. С этой целью нами предпринята попытка проанализировать его рассказы «Солёный дождь», «День рождения судьбы» и «Право ребёнка».

Татарская детская проза 1990-2010 гг. дает свободу детским эмоциям, в то же время в этот период в прозе возрастает интерес к детской психологии. После распада СССР и длительного экономического кризиса в стране появляется новое поколение ожесточенных детей и подростков, не владеющих культурным наследием. Поэтому авторы стремятся воспитать новое поколение, устойчивое к различного рода политическим, экономическим и социальным катаклизмам. В своих произведениях они стараются достучаться до потенциального читателя через различные психологические уловки. Первичная задача при этом – найти методы воздействия, учитывая возрастную особенность аудитории. Как известно, в детской литературе можно встретить разные способы передачи детской психологии: в виде внутреннего монолога, от лица ребёнка-рассказчика или с помощью сопоставления взглядов взрослого и ребёнка, с помощью описания обстановки, портрета. По мнению А. Б. Есина, «психологизм – это достаточно полное, подробное и глубокое изображение чувств, мыслей и переживаний вымышленной личности с помощью специфических средств художественной литературы. Внутренний диалог, монолог, внешние детали, исповедь, сны, видения, персонажи-двойники, внутренняя речь, умолчание» [3, с. 175]. Всеми этими приемами умело пользуется Г. Гильманов в своих произведениях «День рождения судьбы», «Солёный дождь» и др. На первый план выходит передача эмоций персонажей, произведения служат для детей источником эстетического и нравственного воспитания, развивают в них светлые чувства добра и любви.

Например, в повести «День рождения судьбы» повествование ведется от лица рассказчика, способного «перевосплотаться в ребенка», благодаря чему изображаемое в повести видится и глазами ребенка, который является главным героем, находящимся в гуще событий, и глазами взрослого человека, расценивающего все с позиций большого жизненного опыта. Таким образом, автор пытается приблизиться к адресату своего произведения, как бы говоря «мы видим одинаково, чувствуем одинаково, а значит мы едины». В итоге читатель должен начать воспринимать оценку и опыт рассказчика как свой опыт. В повести рассказчик сохраняет всю непосредственность детского восприятия мира и одновременно дает психологический анализ поступкам персонажей: «Мама это чуток преувеличивает. Не совсем так. Если бы ему нравились дети, он бы к детям в гости приходил. Вот, к ее маме же пришел...» [1, с. 40]; «Мать осталась без слов. Потом, слегка приглушенным голосом, как человек, знающий свою вину, чуть оправдываясь, но твердо сказала: «Хорошо, доченька, больше не придет» [Там же, с. 43].

Общеизвестно, что только те литературные образы занимают место в душе читателя и остаются в памяти, душевное состояние которых изображается естественно, правдиво и убедительно. Помимо этого, требуется заинтересовать читателя, возбудить в нём некое новое чувство. Одна из ошибок молодых писателей – глобальная адресность, они пишут для вечности, но практика доказывает, что адресованные к отдельному человеку произведения оказываются более удачными. «Идеи должны быть адресованы человеку, а не человечеству: писатель должен в абстрагированном для издательских целей «целевом читателе» видеть личность с определённым набором чувств и суметь воздействовать на эмоции своего читателя» [6]. Г. Гильманов в своих произведениях стирает границы между фантазией и реальным миром. Его герои своей искренностью и добротой, стремлением быть хозяевами своей судьбы сближаются с читателем: «Даже если без папы можно прожить, без мамы, наверное, сложно. Без мамы совсем нельзя прожить... Зухра этого точно не знает, но чувствует всей душой... Мама – самое важное, самое нужное, самое светлое в этом мире!» [1, с. 36]. «Важным и часто встречающимся приемом психологизма является внутренний монолог – непосредственная фиксация и воспроизведение

мыслей героя, в большей или меньшей степени имитирующее реальные психологические закономерности внутренней речи. Используя этот прием, автор как бы “подслушивает” мысли героя во всей их естественности, непреднамеренности и неотработанности» [2, с. 65-81]. Изначально автор вводит понятие «судьба», это «некая сила, без их ведома решающая жизнь, быт, счастье и несчастье людей» [1, с. 35]. Мечта девочки – подружиться с этой Судьбой. Она пишет письма Судьбе, Судьба не оставляет девочку без ответа и каким-то «чудесным образом» исполняет каждое желание. А в последнем письме Зухра на свой день рождения просит Судьбу прийти. Зухра – любимый образ автора, на протяжении всего произведения он преподносит подарки своей героине. Хотя, казалось бы, девочка не та героиня, которая нуждается в помощи и внимании автора. Но смысл такого отношения к героине, наверное, в том, что она обладает множеством положительных качеств. К тому же описывается ситуация, когда мама вводит в семью нового человека, и эти подарки Судьбы – его рук дело, но главная героиня не знает об этом, читатель же догадывается: рассказчик дает намеки, которые Зухра игнорирует, а адресат понимает. В детстве, когда происходит становление личности, ребёнку необходимы нравственные ориентиры в жизни. Таким ориентиром в этой повести является Судьба, а для адресата таким нравственным ориентиром должна стать главная героиня – Зухра. У нее, как у всякого ребенка, есть спектр отрицательных качеств: она иногда не слушается, иногда ленится, оставляет дела на потом, не договаривает, скрывает свои чувства, но вместе с тем она старается взросло мыслить и пытается совершенствоваться, преодолевать свои недостатки. Например, из-за знакомства с Ясиром она откладывает домашние задания на потом, следом начинается череда «двоек». Но она прислушивается к советам Судьбы и исправляет свои оценки.

Судьба – некий образ, но девочка пытается ее обличить. «Зухра ещё не знала, что такое Судьба. Но она чувствовала, что это святая, волшебная, таинственная сила. Святая, как мама» [Там же, с. 35-37]. Письма Судьбе – это символическая часть общей картины произведения, обогащенная неким сакральным значением. Заметим, что это не интернациональный и не межкультурный, а скорее авторский символ, поэтому он дает в тексте прочтение: святая, волшебная, таинственная сила; святая, как мама. Письма – обращение Зухры к волшебному и родному, таким образом, автор передает нам ее чувство незащищенности, желания чего-то светлого и теплого. Повесть насыщена тревожными, открытыми вопросами. «Эх, подружиться бы с этой Судьбой! Тогда, может быть, и папа не нужен был бы?» [Там же, с. 35]. Детям свойственно чувствовать эту отчужденность от мира, недолголюбленность. Показывая чувства Зухры, автор дает понять адресату, что эта героиня такая же, как и он, происходит некая инициализация: читатель видит в Зухре себя и начинает ее мысли и опыт сравнивать со своими. Добившись этого, автор уже готов к дальнейшим действиям: он свободно может привить читателю необходимую точку зрения, а именно – стремление к лучшему в себе. В раскрытии характеров героев писатель умело использует различные приемы психологизма. Применяет изящные художественные средства изображения внутреннего мира человека, его переживаний, подчёркивая такие качества, как человечность и духовность.

Рассмотрим образы «Ляйли и Хабира, перешедших в 7-й класс» из рассказа «Соленый дождь» [1]. Дружбу между ними «в деревне ставят в пример другим ребятам», «они оба мечтают стать моряками. Откуда появилась у них эта мечта? Казалось бы, в их деревне нет ни одного человека, кто бы видел море. Наверное, в детстве каждый человек хотя бы один раз грезит стать моряком» [Там же, с. 17]. «Внешние детали (портрет, пейзаж, мир вещей) издавна использовались для психологического изображения душевных состояний в системе косвенной формы психологизма» [3, с. 154]. Разыскивая Ак бабая, ребята выходят в поле. Рассказчик описывает поле глазами главных героев: «будто огромное море расстилается перед ними. А вершины под ногами – это его берега» [1, с. 17]. Хабир не сдержался, разбежавшись, нырнул в море, поплыл. Сравнение поля с морем – это внешнее психологическое изображение, которое, с одной стороны, служит для образного изображения, а с другой – участвует в изображении диалектики души. Таким образом, предполагаемый читатель, во-первых, получает интересную картину, чем разогревается его интерес, во-вторых, создается возможность для отображения диалектики души главных героев. Автор, детально воспроизводя процессы формирования мыслей, чувств, настроений, ощущений главных героев, как бы дает адресату проследить за духовным становлением главных героев, а это еще более сближает героя и адресата. Термин «диалектика души» принадлежит Н. Г. Чернышевскому, который так описывает данный приём: «...как одни чувства и мысли развиваются из других, как мысль, рожденная первым ощущением, ведет к другим мыслям, увлекается всё дальше и дальше, сливает грёзы с действительными ощущениями, мечты о будущем с рефлексией о настоящем» [5]. Таким образом, читатель не просто наблюдает за ситуативной составляющей произведения, но следит за духовным ростом главных героев. Что интересно, именно духовное изменение зарождает движение в рассказе: мысли и чувства детей трансформируются, они взрослеют, поэтому меняется и их мечта. Обратим внимание на слова Хабира, сказанные Ак бабаю: «Ак бабай, я решил не уезжать на море. Остаюсь в деревне. Останусь и буду председателем. Ты будешь говорить, когда будет дождь, а мы без твоего разрешения на уборку урожая выходить не будем, ладно? И Ляйля говорит, что останется в деревне» [1, с. 32]. Следует отметить то, что автор кардинально не меняет мечту подростков, лишь смягчает грани между мечтой и реальностью, потому что «море», взятое условным образом, будет сопутствовать героям всю жизнь.

Детская мечта – часто используемый элемент в произведениях Г. Гильманова и часто служит неким психологическим маркером, определяющим состояние главного героя. Так, в рассказе «Право ребенка» мечта иная, чем в рассказе «Соленый дождь». Главный герой – маленький мальчик, ищущий себе дедушку. Он встречает пожилого человека – Ахияра, который потерял своего внука и из-за этого никак не находит себе места. Между двумя героями происходит контакт. Они оба ищут друг друга. Мальчик, о котором Ахияр

мечтал – это Газиз. Имена подобраны не просто так, Газиз переводится как «родной». Он «становится внуком» Ахияра, т.е. неким звеном, продолжающим род, несущим культурные ценности. В произведении автор неоднократно обращается к внутреннему монологу, психологическим диалогам, образам и символам. «Право ребенка» сложно назвать исключительно детским произведением. Повествование ведется от третьего лица, которое не является участником событий, но имеет доступ к мыслям и чувствам героев. В «Соленом дожде» использована та же техника повествования. Это дает автору возможность всесторонне подойти к проблеме: мы можем наблюдать, как относятся к вопросу о дожде Махмут, Хабир, Хатмулла и др. Каждый ощущает некую тревогу, но реагирует по-своему. В рассказе «Право ребенка» переживания Ахияра и Газиза более созвучны – они оба ищут некую опору: старику нужен наследник, которому он сможет передать свое культурное наследие, а мальчику – наставник, от которого он получит наставление на всю жизнь. Они находят и теряют друг друга. После этого болезнь старика усугубляется, старик ждет своего «найденного» внука. Он приходит в самый последний момент и произносит ключевое слово: «Дедушка» [Там же, с. 97]. Однако в этот момент писатель мастерски использует приём умолчания и благополучно завершает повествование. Это ещё один приём психологизма, несколько парадоксальный, по мнению А. Б. Есина: «Он состоит в том, что писатель в какой-то момент вообще ничего не говорит о внутреннем мире героя, заставляя читателя самого проводить психологический анализ, намекая на то, что внутренний мир героя, хотя он прямо и не изображается, всё-таки достаточно богат и заслуживает внимания» [2, с. 65-81].

Таким образом, изучив произведения Г. Гильманова, мы можем сделать вывод о том, что автор в своих трудах часто обращается к психологизму. Это оправдывается задачами, поставленными перед произведением: Г. Гильманов добивается максимального приближения к читателю, его опыт и точка зрения не звучат как навязанные нравоучения. Язык произведений Г. Гильманова, написанных для детей, прост, построение сюжетной линии остается в памяти. Он умело изображает чувства, свойственные внутреннему миру героев. Сегодня при оценке произведений для детей одним из главных критериев является воспроизведение характеров, взятых из жизни, глубокое проникновение в душевные переживания героев и в целом в детскую психологию. С помощью психологизма Г. Гильманову удается дать своим литературным героям жизненное воплощение: психологизм способствует более реалистичному, жизненному изображению литературных персонажей. В частности, в творческом процессе им применяются различные приемы психологического анализа, оценка детьми друг друга, диалоги; характеры героев более полно раскрываются и развиваются при помощи авторской характеристики. В некоторых произведениях внутренний мир героев передается и через внешние признаки: движения, мимику, отношение к другим людям. Г. Гильманов раскрывает внутренние переживания, характер героев с помощью различных изобразительных средств, художественных деталей и приемов, тем самым делая свои произведения более актуальными и интересными для читателя.

Список литературы

1. **Гильманов Г. Х.** Язмашның туган көне. Казан: Ихлас, 2012. 344 б.
2. **Есин А. Б.** Литературоведение. Культурология: избранные труды. Изд-е 2-е, испр. М.: Наука, 2003. 280 с.
3. **Есин А. Б.** Психологизм русской классической литературы. М.: Просвещение, 1988. 174 с.
4. **Мингазова Л. И.** Прошедшие сквозь века: история развития татарской детской литературы. Saarbrücken: Palmarium academic publishing, 2012. 255 с.
5. **Чернышевский Н. Г.** Детство и отрочество. Военные рассказы графа Л. Н. Толстого [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/c/chernyshevskij_n_g/text_0240.shtml (дата обращения: 01.07.2016).
6. **Школа писательского мастерства. Идея литературного произведения. 6. Современные критерии для коммерчески успешной идеи** [Электронный ресурс]. URL: <https://schoolofcreativewriting.wordpress.com/2015/02/01/идея-литературного-произведения-6-сов/> (дата обращения: 02.07.2016).

YOUNG HERO'S PSYCHOLOGY IN THE CHANGING WORLD IN G. GILMANOV'S WORKS

Gumerova Endzhe Foatovna
Kazan (Volga Region) Federal University
El.hadieva@yandex.ru

Tatar children's prose of the 1990-2010s feels free to describe children's emotions, but at the same time in this period interest for children's psychology grows. This research sphere is partially investigated. The article discovers the specifics of psychologism in Tatar children's prose on the basis of the analysis of G. Gilmanov's works. The findings indicated that the children's prose of this period aims not only to educate humanity but also to strengthen national self-consciousness.

Key words and phrases: psychologism; children's literature; specifics of psychologism; G. Gilmanov; Tatar prose.